

**ДЕТИ
 ВОЙНЫ**

Сергей ТРАХИМЁНОК

**ПО СЛЕДАМ
ТАМАНЦЕВА**

Повесть

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2020

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Беи=Рус)-44
Т65

Серия основана в 2010 году

Трахимёнок, С. А.

Т65 По следам Таманцева : повесть / Сергей Трахимёнок. — Минск : Четыре четверти, 2020. — 140 с. — (Дети войны).

ISBN 978-985-581-359-1.

В настоящую книгу вошла повесть Сергея Трахимёнка «По следам Таманцева». Герои ее — контрразведчики, проводившие операции на территории тогдашней Белоруссии, партизаны и подпольщики. Повесть не относится к детективному жанру, в рамках которого автор работал в последние годы, однако непредсказуемость сюжетных линий, знание материала, на котором строится повествование, те обстоятельства, где герои все время находятся на грани жизни и смерти, делают ее интересной и захватывающей.

Автор верен себе в описании исторических событий и еще раз доказывает, что величие подвига народа не в сокрытии просчетов руководства страны и командования, не в количестве пьедесталов, а в правдивом описании трагедии, которая не смогла этот народ сломить.

**УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Беи=Рус)-44**

ISBN 978-985-581-359-1

© Трахимёнок С. А., 2020
© Оформление.
ОДО «Издательство
“Четыре четверти”»,
2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАПАД–ВОСТОК

— Ваши документы, — сказал сержант-крепыш, наметанным глазом выделив меня из толпы пассажиров.

Невольно подумалось: «Да, не очень ласково встречает гостей Москва». Хотя я сам виноват. Сознавая, что предстоит долгая дорога, а в ней и иголка тяжела, я взял с собой небольшую сумку, куда сунул смену белья, бритвенный прибор и диктофон. Оделся по-походному: джинсы, на ногах кроссовки, на голове панамы защитного цвета, а пространство между джинсами и панамой сокрыто футболкой-полурукавкой камуфляжной раскраски и серым жилетом.

И хотя во мне трудно признать «лицо кавказской национальности», — документы проверяли уже дважды. Первый раз — на Белорусском вокзале. Второй — у авиакасса, куда я приехал, чтобы купить билет на самолет до Новосибирска. Но если на вокзале патруль сначала представился, а уж

потом попросил предъявить паспорт, то околотовоздушная милиция была более бесцеремонна.

Сержант повертел паспорт в руках и пошел прочь, но вдруг, будто вспомнив о чем-то, вернулся, сунул мне его в руки и, не говоря ни слова, направился далее, оценивая потенциальных пассажиров взглядом высшего судии.

Билет до Новосибирска я взял свободно. Затем поехал к другу и коллеге, который, в отличие от меня, еще служил. Сделал я это не только потому, что понимал, если буду болтаться по Москве в таком одеянии, то проверят еще несколько раз. Процедура не представляла для меня опасности, но почему-то не хотелось подвергаться ей еще раз.

Добравшись до Ясенева, попал в район, где на меня смотрели не так подозрительно, и это вселяло надежду на более спокойное пребывание в столице.

Весь день пробыл у своего друга и коллеги. Мы о многом переговорили, вспоминая однокашников и преподавателей. И, конечно, я пожаловался ему на негостеприимность московской милиции. На что бывший коллега сказал:

— Зачем вырядился так, война идет...

Что я мог возразить?

— Ладно, — сказал я, — война так война. Проводи вечером до самолета, не хочу, чтобы меня неожиданно поместили в какой-нибудь ИВС на тридцать суток по подозрению в терроризме.

— И правильно сделают, — проворчал друг голосом первого Президента России, — приехал из

другого государства и создаешь, понимаешь, проблемы правоохранительным органам столицы России.

Но, увидев выражение моего лица, немного смягчился:

— Провожу, непременно провожу. Да, что это мы все о прошлом, да о прошлом. Расскажи, как там у вас в Белоруссии?

***

Вечером мы были на аэровокзале.

— Ты на каком самолете летишь? — спросил друг.

— Аэробус, — ответил я.

— Хороший самолет, — сказал он и, немного помедлив, добавил, — комфортный.

— На других не летаем, — ответил я, хотя взял билет на этот рейс только потому, что в самолете было много свободных мест.

Объявили начало регистрации.

— Ты почему с такой легкомысленной сумкой? — спросил он.

— Чем она тебе не нравится?

— Замков нет, а вдруг, кто-нибудь туда заглянет.

— Типун тебе на язык, у меня там диктофон и батарейки.

— Хочешь кого-нибудь записать?

— Да, одного очень интересного человека. Ты Богомолова читал?

— Читал, конечно.

— Так я лечу работать с одним из его прототипов.

— Ясно.

— Я тебя попрошу связаться с коллегами в Минске и уточнить информацию по некоему Коловратову. По непроверенным данным — он разжалованный майор «СМЕРШа».

— А чем провинился этот Коловратов, что его разжаловали, «по непроверенным данным»? И чем он тебе интересен?

— До этого он, предположительно, участвовал в операциях «СМЕРШа» на территории современной Беларуси.

— А на Востоке почему осел?

— Спроси что-нибудь полегче. Впрочем, я тебе смогу все объяснить по возвращении. Разумеется, если тебе это будет интересно.

— А почему мне может быть неинтересно?

— Потому, что одно дело детективы читать, а другое — реально расследовать жизненные ситуации. Они, чаще всего, не столь стремительны и не так увлекательны...

***

Всего через три с небольшим часа Ил-86 доставил меня из столицы России в Толмачево — аэропорт неофициальной столицы Сибири, и я почувствовал себя покорителем больших пространств и похитителем времени. Все произошло как нельзя лучше, в полете я не спал, но перед посадкой все-таки задремал. Разбудили аплодисменты пассажиров. Я выглянул в окно. Самолет бежал по взлетно-посадочной полосе,

а на фасаде одного из зданий красовалась надпись «Новосибирск».

Получив багаж, я взял такси и приехал на улицу Сибирскую, 17.

— Привет, дядь Сереж, — сказала мне повзрослевшая за прошедшие годы нынешняя хозяйка квартиры Соня Самохина. — Тюфячок вас ждет. Можете спать хоть до обеда. Если будете уезжать, ключ отдайте соседке слева. Мы с девяти на работе. Помните соседку слева?

— Помню.

— Да, кстати, как там в Белоруссии?

Деловой стиль общения современной молодежи.

— Потом расскажу, — сказал я и пошел в комнату, где меня ждал расстеленный на полу матрасик, который почему-то назывался тюфячком.

Я на него улегся и поскольку ночь у меня, считай, пропала — такова парадоксальность полетов на Восток — вскоре уснул. Когда проснулся, часы показывали половину первого.

Хозяев не было, на столе в кухне лежала записка лаконичного содержания: «Хлеб в хлебнице, чай в буфете, все остальное в холодильнике».

Я принял душ, побрился, выпил чаю, а потом стал бродить по квартире.

В ней многое изменилось с тех пор, как я здесь бывал. Неизменными, пожалуй, остались лишь полки с книгами, да картины сибирских художников, когда-то подаренные ее хозяйке Николаю Самохину, известному российскому

писателю-беллетристу и сатирику, трагически ушедшему из жизни в восемьдесят девятом году.

Двадцать лет назад я познакомился с ним случайно, хотя, наверное, это не совсем точно, поскольку начинающих литераторов всегда рано или поздно прибывает к мастерам пера, как начинающих правонарушителей к уголовным авторитетам.

Наша дружба не была завязана на литературных интересах, точнее, я видел в нем писателя, а он во мне лишь человека редкой профессии, о которой в писательской среде, благодаря излишнему вниманию прессы, сложилось какое-то странное представление (его можно назвать инфантильно-извращенным).

Я подошел к книжной полке и увидел томик Самохина «Где-то в городе на окраине», поймав себя на мысли что детство моего героя, прототипа богомоловского Таманцева, тоже прошло в Сталинске, на тех же окраинных улочках, но на двенадцать лет раньше.

Я позвонил на киностудию. Приятный женский голос ответил, что директор задерживается, но к обеду обязательно будет.

— Распрекрасно, — произнес я вслух, — к обеду и я доберусь до киностудии.

Без четверти два я был на киностудии. Директор появился с шестым радиосигналом, извещающим о конце обеденного перерыва.

Перед выездом из Минска я позвонил ему и в двух словах изложил цель поездки. Поэтому директор, как человек деловой, начал с главного:

- Ты привез заявку?
- Нет, — ответил я, — до заявки еще далеко.
- Полагаешь, что этот человек мог умереть?
- Все возможно.
- Но это не беда для кинематографа, тем более документального, есть материалы, свидетели...
- Так-то оно так, но...
- Напрасно сомневаешься. Москва уже требует заявок и сценариев к будущему юбилею Победы. Пока заявим, пока они утвердят...
- Съезжу, посмотрю, а на обратном пути все детально обсудим. Заявку ведь недолго написать.
- Как знаешь, — сказал директор. — Ты не обедал?
- Я недавно завтракал.
- Это не важно, пойдем, у меня есть бутерброды и кофе.
- Я пью чай.
- Найдем и чай. Для гостей можно чего-нибудь и покрепче, а мне нельзя, я на работе.
- Перебрасываясь подобными фразами, мы прошли в комнату за кабинетом, директор открыл холодильник и стал доставать ингредиенты к бутербродам, с некоей мужской эстетикой разложил их на столике на салфетках, затем заварил чай и произнес:
- Ну, как там у вас в Белоруссии?

***

Утром следующего дня я проснулся, когда хозяйка квартиры уже ушли на работу. Побрился,

выпил чаю и стал собираться в дорогу. Прежде всего, вернул в сумку бритвенные принадлежности. Попутно решил навести в ней порядок и ужаснулся. Еще в Толмачево я почувствовал, что сумка стала немного легче, но не придал этому значения. Теперь понял, что в ней отсутствует диктофон.

Понимая, что нельзя вернуть то, что безвозвратно ушло в прошлое, я быстро собрался, черкнул записку Соне о том, что на обратном пути непременно заеду и побуду чуть дольше, отдал ключ соседке и пошел к кассам аэрофлота.

Входя в здание, вспомнил как легко и быстро взял вчера билет в Москве. Здесь все должно быть также комфортно, подумал я, видя, что людей почти нет. Но меня ждало разочарование. Компьютер в кассе «Сибирских авиалиний» предлагал девять билетов от Красноярска до Благовещенска, а до Красноярска — ни одного.

— Чему вы удивляетесь, — сказала кассир. — Нестыковка частных компаний. До Красноярска летает маленький самолетик, а от Красноярска — большой... Да и вообще, летом с билетами везде проблема.

— Ничего подобного, — возразил я, — вчера в Москве свободно можно было взять билет...

— Наверное на Ил-86-й, — перебила меня кассир.

— Да, — согласился я, — именно на Ил-86-й.

— Все ясно. Третьего дня такой же самолет разбился под Москвой, вот пассажиры билеты и сдали.

Мне стали понятны бурные аплодисменты, прозвучавшие в салоне аэробуса, когда мы приземлились в Толмачево.

Через полчаса я уже был на железнодорожном вокзале.

Но и там я потерпел фиаско:

— Мест нет.

— И что же мне делать?

— Записывайтесь на проходящие, — посоветовала кассир, — и подходите время от времени к окошку.

Делать нечего, я стал исправно курсировать от своего места к кассе и обратно. Когда-то я часто бывал здесь, но то был старый вокзал. От него остались только стены. Новый же хорошо и в современном стиле отремонтирован и разделен на две половины. В первую — вход платный или по билетам. Во вторую и к кассам можно подойти свободно, но уровень комфортности, чистоты и отношение к пассажирам здесь совсем иные. Впору вешать на стенах таблички: «Для черных».

Визиты к кассе я совершал из привилегированной половины, из зала «Для белых», но все равно безуспешно. Ближе к вечеру хотел уже возвращаться на квартиру, но случилось чудо, кто-то сдал билет до Благовещенска, поэтому в середине ночи я попал в вагон поезда Москва—Благовещенск. В купе, на которое указал мне проводник, спали три закутанные в одеяло фигуры, определить их пол и статус, как говорили мои коллеги следователи, не представлялось возможным. Я забрался

на верхнюю полку и попытался заснуть, дав себе обещание утром привести в порядок мысли и тщательно спланировать то, для чего поехал на Дальний Восток за семь тысяч километров от Беларуси.

Коловратов

Лесок, в котором притаилась группа, только-только стал покрываться листвой, и надёжно спрятаться в нем было еще трудно. Однако за сутки в сторону леса ни со стороны города, ни от проселочной дороги не прошел ни один человек, и «опасность демаскировки могла возникнуть только теоретически». Так заумно мог оценить ситуацию только нынешний командир группы.

— Теоретически, — произносит шепотом Коловратов, — теоретически...

Слово не вызывает у него никаких ассоциаций. «Умные все больно», — думает Коловратов, которому иногда кажется, что его товарищи специально употребляют мудреные слова, чтобы подчеркнуть разницу между собой и им.

Коловратову хочется курить, но командир группы проверил лично, чтобы никто из бойцов не брал с собой ни махорки, ни трофейных сигарет.

Командир любит порядок, его фамилия Граббе. Впрочем, это, скорее всего, не настоящая фамилия, а псевдоним. Наверное, он получил его потому, что

в совершенстве владеет немецким: говорит без акцента и документы читает, как на родном.

Наступила ночь. Граббе выставил двух дозорных. Это означало, что все остальные могут немного покемарить. Правда, сон в тылу врага — это даже не сон вполглаза и вполуха. Вроде и спишь, но все слышишь. Наверное, подсознание, опять же выражение Граббе, не позволяет отключиться полностью, чтобы, упаси Бог, не «уснуть навсегда».

Спустя час началось какое-то движение, затем приглушенные голоса, чья-то рука толкает его. Это Трошин, впрочем, Трошин ли он на самом деле, Коловратов тоже не знает, возможно, и это выдуманная фамилия. Группа комплектовалась из кадровых «смершевцев» и прикомандированных военных, которые по каким-то причинам попали в поле зрения контрразведки и были привлечены для проведения операций.

— Пришел, — говорит Трошин, и идет дальше, где спит еще один боец.

Командир о чем-то перешептывается с мужчиной в бесформенном брезентовом плаще. Это и есть тот, кого группа ждала последние сутки — агент из местных жителей.

Коловратов не слышит, о чем говорит с ним командир, но догадывается, какое тот примет решение. На базе они неоднократно отрабатывали комбинацию, которую сегодня надо осуществить. Правда, к тренировкам большинство бойцов относилось с прохладцей. В группе почти все в действующей армии чуть ли не с первых дней войны,

и играть в войнушку понарошку «западло». Даже аргументы Граббе, что это может когда-нибудь спасти им жизнь, не принимаются во внимание.

Тактика нападения проста, как березовые чурки, которыми когда-то молодой Коловратов топил печку в доме матери в Сталинске. Несколько бойцов группы затевают кутерьму возле какого-нибудь охраняемого объекта, отвлекая силы гарнизона, а основная часть решает главную задачу. Так, скорее всего, будет и на этот раз.

Продвигаясь по маленькому аккуратненькому городку, они достигли комендатуры. Командир глянул на часы. До условленного времени надо было немного пождать. Коловратов мельком увидел лицо местного. Он был бледнее смерти. Его можно понять: человек сейчас между двух огней. Не успел вовремя уйти — тебя и твоих родственников ликвидируют немцы. Пройдет неудачно операция — попадешь под подозрение у своих.

«Твою мать, как тяжело переносится эта неопределенность», — думает Коловратов. К тому же невыносимо хочется курить. Прав Граббе, нужно бросать это занятие совсем, а не только на время операций.

Где-то на окраине раздается взрыв гранаты, ему вторят автоматные очереди.

— Уже веселее...

Сейчас работает знаменитый немецкий порядок. Часть комендантского взвода помчится на место взрывов, посты удвоят, но это и нужно нападающим. По уставу немецкой армии у часового

те же обязанности, что и у нашего — он должен не только охранять, но и оборонять пост. И если они не будут убиты в первые секунды, то потом не дадут поднять головы, часть группы будет вести непрерывный огонь, пока другая не проникнет в комендатуру.

Группу не интересуют языки, это не операция армейской разведки. Задача у нее иная — документы. Под них каждый боец имеет свободный вещмешок.

Вот немцы усилили стрельбу и тем самым обнаружили посты. Вот тревожная группа на мотоциклах рванула на окраину города, где завязался бой. Значит, теперь пора и нам.

— Начали, — шепотом произносит командир, и огонь восьми автоматов разрывает ночную тишину. Пятеро бойцов должны прикрыть трех штурмовиков, которых ждет комендатура. Коловратов один из трех. Он впадает в то, почти нереальное, состояние, которое всегда возникает у него в бою. Граната в окна. Очередь впереди себя, и он уже в коридоре, но коридор почему-то пуст. Мелькает мысль: «А не ловушка ли это?» Но все становится на свои места, когда Коловратов видит дежурного офицера, который почему-то без оружия. Коловратов нажимает на спусковой крючок, поворачивается направо и выбивает ногой дверь, краем глаза видя, что напарник делает то же самое с левой дверью. Его охватывает состояние жуткой радости, а мозг автоматически фиксирует происходящее вокруг.

На стуле в комнате — девочка-подросток с черным от многодневных побоев лицом. Рядом две мужские фигуры. Одна в штатском, другая — в военной форме. Военный хватается за кобуру, но его пистолет лежит на столе. Две короткие очереди. Затем Коловратов, оглядываясь на дверь, сгребает бумаги со стола, достает документы из открытого сейфа.

За всем этим следят испуганные детские глаза. Надо же, она еще может пугаться!

— Сё — знаю, сё знаю, — вдруг произносят распухшие губы девочки...

— Свои, — раздается голос Трошина, который появляется в проеме двери, затягивая горловину вещмешка.

— Все знает, — Коловратов кивает на девочку.

— Она говорит, что связная, — произносит Трошин, — пошли.

— Сё знаю, — слышит за спиной Коловратов и бьется головой в дверной косяк. Когда-то его за рост, грозную внешность и виртуозное умение стрелять взял к себе в группу Граббе.

Коловратов разворачивается, берет одной рукой девчонку, и, держа автомат в другой, направляется к выходу. Его прикрывает огнем группа поддержки. То, на что решился Коловратов, конечно же, нарушение всех гласных и негласных правил рейда за линией фронта. Однако никто не говорит ему об этом, не требует оставить девчонку. Штурмовая тройца отходит первой. Остальные, меняясь и отстреливаясь, следуют за ней.

Уже на выходе из города в отдалении заметили группу людей. Это могли быть только немцы, но они сознательно «не видят» продвигающиеся к окраине тени: лето сорок четвертого — всем хочется выжить.

Вскоре к штурмовикам присоединяется первая часть группы.

— Потери? — спрашивает Граббе.

— Макаров, — отвечает кто-то.

— Отпусти ее, — говорит Граббе Коловратову, — пусть уходит.

Но ему, да и всем остальным, понятно, что девочка в таком состоянии не сможет уйти.

— Оставим партизанам, — хрипло возражает Коловратов.

— Хорошо, — соглашается Граббе, — вперед...

Группа идет вместе с девочкой, но все прекрасно понимают, что если ситуация изменится, то ее придется оставить.

Однако все складывается как нельзя лучше. В нужную точку они выходят на рассвете. Там их уже ждут партизаны. Далее передвигаются еще быстрее. Партизаны соорудили носилки, в которые уложили девочку. Уже на подходе к основной базе Граббе дал сигнал о высылке самолета.

С ним отправили все, что взяли в комендатуре, и раненую девочку. Коловратов только и смог узнать, что ее зовут Настя.

Отлежавшись на базе трое суток, они пошли в новый рейд. Но, то ли удача от них отвернулась, то ли немцы после нескольких нападений

разгадали тактику таких операций. Рядом с комендатурой их ждала засада. А затем еще долго и организованно преследовали. Потеряв половину группы, они вернулись на партизанскую базу. Был легко ранен и Коловратов. Но что ему такое ранение, на нем этих шрамов, как на бродячей собаке блох. Одним меньше, одним больше.

***

Слава Богу, я — обитатель верхней полки. Это к тому, что моими соседями по купе оказались парень лет двадцати и две молодые мамы с трехлетним мальчишкой и девочкой пяти лет.

Мамы с детьми каждые два часа усаживались кушать. Точнее, мамы усаживали за стол детей. Но те, разумеется, ничего не ели. Около часа продолжались уговоры съесть ложечку за папу, маму и бабушку, затем «трапеза» заканчивалась и начинались игры. Обе мамы предусмотрительно везли с собой по мешку игрушек. Но и это было не самое примечательное. В вагоне ехал еще добрый десяток сверстников наших юных попутчиков, и они постоянно приходили в гости к нам с предложениями поиграть в машинки, в куклы или в паровозик.

Парень вскоре не выдержал прелестей пребывания в столь разновозрастной компании и попросился в другое купе. Я остался на своем месте, сказав себе, что человек должен адаптироваться к любым условиям, на то он и человек. Так прошел день, и только к вечеру, когда мои юные попутчики

успокоились, я, наконец, смог спокойно обдумать ситуацию, в которую попал.

Год назад мне позвонил пограничник, который когда-то служил на границе по Амуру, но с распадом Советского Союза вернулся в Беларусь. Он попросил встречи, намекнув, что обладает уникальной информацией по спецоперациям «СМЕРШа» на территории Белоруссии.

В то время я пытался найти материалы и свидетелей деятельности партизанской группы Шаповала. На информацию о ней натолкнулся почти случайно. В книге «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» нашел несколько строк о том, что эта группа, в ее состав входили выходцы из России, оказавшиеся волей судьбы на белорусской земле, в апреле сорок четвертого пустила под откос вражеский эшелон, в котором было 3 вагона с живой силой и 14 вагонов техники. На счету бойцов Шаповала было много других боевых рейдов и диверсий. Но написать очерк об этих людях, как планировалось вначале, не получилось, ибо Шаповал после войны из Беларуси уехал, но в место призыва не вернулся...

С бывшим пограничником мы встретились в кафе «Узбекистан».

— Моя фамилия Терский, — сказал он, — я из кубанских казаков. Видел ваши фильмы «про шпионов» и готов дать еще одну «наводку». Как вы к этому относитесь?

— Думаю, положительно, — ответил я.

— Вы читали «Момент истины» Владимира Богомолова?

— Да.

— Так вот, в Амурской области в сорока километрах от пограничного поселка Поярково в деревне Канино живет прототип богомоловского Таманцева.

— А вам это откуда известно?

— Я служил там в пограничной комендатуре.

— А почему бы вам самому не взяться за это?

— Пробовал, — честно признался он, — но у меня ничего не получилось.

И он достал из папки с замком-молнией три рукописных листка.

— Вот фактура по Таманцеву-Коловратову.

К тому времени я действительно был автором сценариев пяти фильмов «шпионской» тематики. Опыт давал надежду, что удастся справиться и на этот раз, независимо от того, жив герой или его уже нет. Просмотрев оставленные тексты, я окончательно решил писать сценарий.

***

Но как добраться до Благовещенска? Это не Москва и не Питер, куда я ездил устанавливать контакты с родственниками моих героев и самими героями. Тут все намного сложнее, но никто ведь не отменил еще принцип барахтающейся в молоке лягушки. Той самой, которая долго молотила лапками по молоку, взбила масло и выбралась из кринки.

Начав «молотить лапками», я почти сразу вышел на одного из своих друзей, который пореко-

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАПАД–ВОСТОК 3

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОСТОК–ЗАПАД 66